

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ НИКОЛАЕМ ИВАНОВИЧЕМ ЛАПИНЫМ

— *Кем Вы себя считаете в профессиональном смысле — философом, социологом, политологом, социальным ученым, или просто интеллектуалом в социогуманитарной области?*

Я имею удовольствие профессионально работать одновременно как социальный философ и как социолог. Начинать я научные исследования в 1954 г. в аспирантуре философского факультета МГУ как историк социальной философии (предметом исследований я избрал формирование философских взглядов молодого Маркса), а с 1966 г. сосредоточился на социологических исследованиях, но не прекратил социально-философских занятий и продолжаю их до настоящего времени. В Академию наук СССР (РАН) я избран в 1987 г. по специальности «философия и социология». В Институте философии, куда я вернулся в 1984 г. в качестве заместителя директора, через два года меня назначили директором, а после ухода с этой должности в 1988 г. я создал Центр изучения социокультурных изменений и продолжаю им руководить. Наряду с этим с 2005 г. я являюсь заведующим Отделом аксиологии и философской антропологии.

— *Как Вы относитесь к своему ремеслу социолога? Это Ваше призвание или только профессия?*

Я считаю свою работу в социологии прежде всего профессией, но также, надеюсь, и своим призванием. Меня не вполне удовлетворяет термин «ремесло» в применении к научной работе: ремесло осваивают как нечто готовое и совершенное, а наука — это постоянно обновляемое, прирастающее знание. В терминах системного анализа основных типов деятельности ремесло — это высококвалифицированная репродуктивная деятельность, а научные исследования — продуктивная деятельность. Конечно, в ней необходим компонент ремесла, но он не главенствует.

— *Что побудило Вас заняться социальными науками, в частности, социологией, а не чем-то другим?*

Это очень большой вопрос, на него трудно ответить лаконично. Был целый ряд обстоятельств, прежде всего, это атмосфера повышенной социальной ответственности взрослых и детей предвоенного, военного и первого послевоенного времени, а также личные склонности. Приведу несколько штрихов, которые помогут лучше понять генезис моего отношения, как одного из шестидесятников, к социальной реальности.

Общее социальное настроение у меня, 7-8-летнего мальчика (я родился в 1931 г.) было оптимистичным. Была гордость за успехи только что построенного в стране социализма: это постоянно утверждалось по радио и в учебниках (будучи первокласником, я старался не отставать от брата Юрия, который учился в шестом классе, и с жадностью читал его учебники и другую литературу). Тогда же я завел тетрадь фольклора, в которую записывал народные выражения, песни, баллады, сказки. Однако при этом в мое сознание проникла и социальная тревожность. Ее питали такие факты, как вымарывание в школьных учебниках портретов арестованных партийных деятелей; предупредительный арест симпатичного строителя-армянина, который жил в нашей коммунальной квартире; поражение советских войск в финской войне и др. Но это была тревога за успехи, достигнутые советским народом.

Прямая опасность существованию народа, созданная нападением фашистской Германии, вызвала подъем патриотизма: советского и национального. 22 июня 1941 г. отец взял меня с собой, чтобы повидать в роддоме маму, которая накануне родила дочь. Приехав утром на электричке из Текстильщиков, где мы жили, на Курский вокзал и выйдя на площадь, мы подошли к скоплению людей, которые, как оказалось, слушали по громкоговорителю речь В.М. Молотова. Отпор агрессору я непосредственно воспринял как общее дело всего советского народа. Это чувство многократно усилилось с началом бомбежек Москвы; фугасная бомба разрушила крыло нашей школы, а волна от ее взрыва выбила окно нашей комнаты; взрослые во время бомбежек дежурили на крыше дома и относили зажигательные бомбы в ящики с песком.

Вскоре после начала войны отец был мобилизован в действующую армию; как строитель по профессии, он служил в мостостроительных войсках. Присылал с фронта письма-треугольники, каждый приход почтальона воспринимался с надеждой и острой тревогой; я пытался понять что-то большее между подцензурных строк писем. Отец прошел всю войну, из наград больше всего ценил Орден Красной Звезды; демобилизован в декабре 1945 г.

Все военные годы я с матерью и сестренкой жил у тетушки в деревне Гуляевская, в десятке верст от районного центра Мышкино, на Волге, между Угличем и Рыбинском. Местные жители говорили о таких, как мы: «выковыренные». До сих пор перед глазами стоят такие картины. Весной 1942 г. женщины нашей деревни (колхозной бригады) впряглись в плуг вместо лошадей, которых мобилизовали в армию, и пахали землю под свой, «бригадный» картофель. Вскоре районное начальство пресекло эту «самодеятельность», стали запрягать в плуг колхозных коров. Или такое: после стычки с председателем на колхозном собрании молодую женщину, которая выделялась своим городским сознанием

собственного достоинства (она самоэвакуировалась из Ленинграда), отправили в трудовой лагерь на Север; после реабилитации 1956 г. она вернулась больная и прожила недолго.

Я много читал по школьной программе и вне ее, зачитывался повестями, рассказами, поэмами Николая Некрасова, Глеба Успенского, позднего Льва Толстого, других русских писателей второй половины XIX столетия. Подспудно формировалась ориентация: полнее знать правду о жизни крестьян, простых людей своей страны.

В декабре 1945 г., после демобилизации, отец вернул нас из деревни в Текстильщики. Я вернулся в свою школу № 475, которая в годы войны стала мужской и оставалась неполной средней, — тогда в Текстильщиках вообще не было мужской средней школы. В мае 1946 г. мы закончили 7-й, последний класс этой школы. На запрос директора о ее преобразовании в полную среднюю поступил из РОНО отказ: мало мальчиков, желающих продолжить учебу. Меня и троих моих друзей (Игорь Меркулов, Сергей Павлов, Семен Тевлин) это совершенно не устраивало: мы записалась на прием к заместителю министра образования РСФСР, с жаром говорили о своем желании учиться, убеждали, что в нашем рабочем поселке есть и другие мальчики, желающие получить полное среднее образование. И чудо совершилось: министерство разрешило преобразовать нашу школу в полную среднюю всего при одном восьмом классе (без девятого и десятого), но числом не менее 16 учеников. Мы сагитировали еще 12 ребят и последующие три года оставались старшими в школе — и по возрасту, и по ответственности за учебу, комсомольскую и пионерскую работу, вообще за поведение всех учащихся. В 8-м классе я стал председателем Совета пионерской дружины; мне довелось принимать в пионеры и «воспитывать» Фреда Бородкина, будущего талантливого математика-социолога (он, конечно, и сейчас ворчит, но зла на меня не держит).

Школу я окончил в 1949 г. с золотой медалью и после раздумий поступил на философский факультет МГУ, программа которого была наиболее широкой. Тем же летом меня направили в составе отряда факультета в подшефный МГУ колхоз: в д. Саблино Зарайского района Рязанской области. В этом отряде, еще до начала учебы на факультете, я познакомился со многими студентами, на год-два старше меня: Игорем Блаубергом, Борисом Грушиным, Юрием Карякиным, Иваном Фроловым... Грушин немедленно создал стенгазету нашего отряда, где подвергал нещадной критике колхозное начальство, а я всячески помогал ему как «знаток» сельской жизни.

В студенческие годы, на третьем-пятом курсах философского факультета МГУ я пытался всерьез разобраться в социальном устройстве советского общества, писал курсовые и диплом о «диалектике формирования базиса и надстройки». Эту проблематику я хотел продолжить в аспирантуре, но в деканате сочли ее слишком острой (диалектика — значит, противоречия!) и направили меня на кафедру истории зарубежной философии, которой руководил Т.И. Ойзерман. Как и другие студенты, я был в восторге от его лекций по истории философии марксизма и с интересом стал вникать в проблемы формирования взглядов К. Маркса: почему и как он стал переходить от идеализма к материализму и коммунизму. Социальные проблемы и здесь оказались в центре моего внимания.

— *Каким был Ваш профессиональный путь? Кто Вы как исследователь, как сложилась Ваша карьера в науке?*

В целом я могу обозначить свой профессиональный путь весьма традиционно: от социально-философской теории к социальной практике, вновь к теории и т. д. Первые 12 лет (1954–1965) доминировали интересы в области социальной философии, включая формирование марксизма как цельного учения. При этом я испытывал определенное влияние диалектических идей, которые разрабатывали Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили...

С Мерабом Мамардашвили я учился в одной студенческой группе, был на одной кафедре в аспирантуре, несколько лет работал с ним в «Вопросах философии», в отделе критики зарубежной философии и социологии (он вел статьи по философии, я — по социологии). И впоследствии я поддерживал с ним контакты: он бывал у меня дома в Москве, я у него в Тбилиси, мы оказались вместе в командировке в Риме, где Мераб любил посидеть в кафе, ощутить образ жизни обычного итальянца (его любимым кафе было «Tre scalini»). В 1987 г., когда я был директором Института философии, Мераб по моей просьбе выступил в Институте с докладом «Философия как призвание».

На первом этапе моих исследований мне удалось реконструировать начальные этапы формирования взглядов Маркса в цельное мировоззрение, в том числе выявить отчасти спонтанный, не вполне сознававшийся самим Марксом, характер этого процесса. Поскольку опубликованные тексты вызвали у меня ряд вопросов, я провел кропотливую работу с фотокопиями рукописей Маркса, особенно с «Экономическо-философскими рукописями 1844 г.». Это позволило обнаружить в существовавших публикациях ряд ошибок, которые были устранены международной редколлегией при подготовке второго Полного собрания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригиналов (MEGA-2). За книгу «Молодой Маркс», которая вышла в 1968 г., выдержала еще два русских издания и получила международное признание (переведена на 8 языков), я был награжден Государственной премией СССР (1983).

В те же годы я работал сначала в редакции журнала «Вопросы философии», затем в издательстве «Мысль», где создал две серии книг: «Философское наследие» и «Мыслители прошлого». В составе первой серии осуществлялось издание классиков мировой философии, в том числе Гоббса, Локка, Лаврова и других социальных мыслителей. Эта работа стала для меня школой, позволившей глубже освоить социально-философскую классику. Самоотверженную работу по редактированию переводов вели М.И. Иткин, В.С. Костюченко, другие редакторы. К составлению и редактированию тома сочинений Шеллинга удалось привлечь молодого Сергея Аверинцева, который прекрасно подготовил тексты и сопроводил их репродукциями картин живописцев — друзей философа.

В 1966 г. я сделал резкий поворот к исследованию эмпирической реальности: ушел из издательства в Сектор новых форм труда и быта Института философии, принял участие в создании Института конкретных социальных исследований. Провел первое эмпирическое исследование «Роль поощрений и наказаний в первичном производственном коллективе» — 27 участков мастера на Подольском заводе швейных машин (бывший завод «Зингер»), вместе с двумя аспирантами провел около 500 часовых интервью, включая социометрию. За-

тем стал руководителем генерального проекта ИКСИ «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов». Под давлением амбициозного секретаря МГК КПСС В.Н. Ягодкина в 1973 г. этот проект был административно прекращен новым директором ИКСИ А.М. Руткевичем, а его материалы сданы в архив под грифом «для служебного пользования»: мол, в нем сильно влияние буржуазной концепции Парсонса, и вообще — о каких спонтанных процессах может идти речь в плановой экономике!? Я рад, что 30 лет спустя, в 2005 г. удалось полностью издать материалы этого проекта: программы, методики, промежуточные результаты; многие из них сохранили методологическую актуальность — это хорошо показал В.В.Щербина в своем отклике на их публикацию (см. «Социс». 2006. № 2). И в дальнейшем я сохранил верность эмпирическим исследованиям как необходимой базе работы в социологии.

Прекращение проекта сопровождалось увольнением ведущих его сотрудников. Э.М. Коржеву, Н.Ф. Наумову, А.И. Пригожина забаллотировал обновленный ученый совет при прохождении по конкурсу в марте 1973 г. Вместе с ними в июле 1973 г. я ушел ИКСИ, который активно создавал пять лет назад. По рекомендации Д.М. Гвишиани нас приняли в Институт проблем управления (ИПУ) АН СССР, где мы были под опекой заместителя директора, члена-корреспондента АН СССР (затем академика РАН) С.В. Емельянова. Здесь мы установили творческие контакты с математиками, которые интенсивно занимались моделированием социально-экономических объектов и процессов — В.Н. Бурковым, В.А. Геловани, Ю.Н. Ивановым и многими сотрудниками их отделов и лабораторий. Тогда начал формироваться наш интерес к проблемам моделирования глобального развития и инноваций в организациях.

Этот интерес получил развитие во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ) ГКНТ и АН СССР, который создал Д.М. Гвишиани в середине 1976 г. как институт нового типа, ориентированный на междисциплинарные исследования комплексных проблем. Мы пришли в этот институт при его создании, вместе с другими подразделениями ИПУ, которыми руководил С.В.Емельянов. Кроме того, в этот институт пришли крупные экономисты из ЦЭМИ АН СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР (затем академика РАН) С.С. Шаталина и известные специалисты в области организационного управления из Института США и Канады АН СССР под руководством Б.З. Мильнера.

Мы оказались в бурлящем потоке идей, исходивших от множества молодых и талантливых ученых самых разных специальностей. Пришло «второе дыхание»: мы включились в создаваемую Д.М. Гвишиани междисциплинарную программу «Системное моделирование глобального и регионального развития», создав в ней проект «Философские и социологические проблемы глобального развития»; вскоре мы предложили собственный проект: «Нововведения в организациях: социологические проблемы». В 1982 г. мне предложили стать координатором проекта стран-членов СЭВ «Социальные аспекты развития микропроцессорной техники в странах-членах СЭВ», который осуществлялся совместно с Международным научно-исследовательским институтом проблем управления (МНИИПУ, его директором был С.В. Емельянов) и был успешно завершен в 1985 г.

По каждому из двух названных проектов (проект СЭВ реализовался отдельно) ежемесячно проводились научные семинары с приглашением специалистов из других организаций. Материалы семинаров ежегодно издавались в виде сборников «Труды семинаров ВНИИСИ». В 1979–1987 гг. вышли 8–10 таких сборников по каждому проекту; я был ответственным редактором обеих серий. Сохраняют высокую актуальность сборники по проблемам социологии инноваций — первые в стране разработки этой проблематики. Я и ныне использую их материалы в лекциях и в подготавливаемом учебном пособии.

По мере развертывания исследовательских проектов на месте небольшой лаборатории, пришедшей из ИПУ, я создал во ВНИИСИ достаточно крупный и влиятельный Отдел философских и социологических проблем системных исследований. В него входили три лаборатории: системного подхода (рук. И.В. Блауберг), социологическая (рук. Н.И. Лапин) и философская (рук. И.Б. Новик). Авторитетным изданием не только Отдела, но и всего Института стал ежегодник «Системные исследования». Он и ранее был широко известен, а теперь приобрел новое качество и более широкую аудиторию. Он готовился редколлегией, руководителем которой был Д.М. Гвишиани, а самую активную работу вел В.Н. Садовский при поддержке своих давних коллег — И.В. Блауберга, Э.М. Мирского, А.И. Яблонского и др.

Я рад, что и после моего ухода из ВНИИСИ Отдел продолжает успешно работать. В этом большая заслуга В.Н. Садовского, который руководит Отделом с 1984 г. и пользуется огромным уважением сотрудников не только Отдела, но и всего Института системного анализа (так он теперь называется). А я изредка бываю у них в гостях, и даже реализовал вместе с ними проект «Социальная информатика: основания, методы, перспективы» (грант РФФИ, 1996–1998); его результаты опубликованы в виде книги под тем же названием, которая была издана при поддержке РФФИ, получила диплом 1-й степени как победитель конкурса «Деловая профессиональная книга по информационным процессам и технологиям», проведенного Союзом «гильдия книжников» (2004) и вышла вторым изданием (М., УРСС, 2002, 2006).

Таким образом, во ВНИИСИ мне пришлось работать по трем дисциплинарным направлениям: социологическому, философскому, и отчасти общесистемному. Особенно меня интересовали поиски стыков этих направлений, возможностей совместного их применения при изучении той или иной сложной проблемы.

В 1983 г. директором Института философии стал член-корреспондент АН СССР Г.Л. Смирнов, который до того длительное время работал заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, а среди обществоведов стал также известен своей книгой «Советский человек». Он пригласил меня в состав советской делегации на международном философском конгрессе, который проходил осенью того же года в Монреале. Я согласился и выступил на конгрессе с докладом. Вскоре он попросил меня возглавить небольшую делегацию молодых философов на советско-болгарский семинар по проблемам философии повседневности (от Института в делегации были Н.С. Автономова, В.А. Подорога). Семинар проходил в пансионате в горах, мы на неделю погрузились в феноменологию Шюца и вели интригующий дискурс в терминах «*всекодневия*» (болг.); я попытался использовать эти термины для понимания пози-

ции молодого Маркса (болгарские коллеги знали мою книгу о Марксе, которая была переведена на болгарский). Но я еще не догадывался, что все это время опытный партработник Г.Л. Смирнов примерял меня для работы в Институте философии. Весной 1984 г. он предложил мне стать его заместителем.

Около месяца я находился в сомнениях. Было очевидно, что уход из ВНИИСИ означает отход от сложившейся исследовательской команды и прекращение работы над обоими проектами. Но, с другой стороны, грызли подозрения: не зашел ли я в роли зав. отделом, не пора ли дать возможность другим проявить себя? К тому же работа стала приносить все меньше удовлетворения: результаты оставались невостребованными обществом, в котором зрел системный кризис, а в рамках ВНИИСИ проблематика отдела постепенно отходила на второй-третий план, уступая место оборонным и иным заказам. В Институте философии, ведущие сотрудники которого были мне хорошо знакомы еще со студенческих лет, я надеялся встретить большую востребованность своих подходов и опыта связи с практикой. В итоге я согласился и в мае 1984 г. приступил к работе в качестве заместителя директора Института философии. В 1986 г. Г.Л. Смирнов был приглашен М.С. Горбачевым в качестве помощника, а я был назначен директором Института. Через два года я вынужден был уйти «по собственному желанию», но и после этого продолжаю работать в том же институте.

Что касается карьеры, то целенаправленно она была научной, а административной — лишь временами, в силу внешних обстоятельств. Когда мне поручили исполнять обязанности директора ИКСИ (в октябре 1972 г., после снятия со всех должностей академика А.М. Румянцева), я выдвинул условие: только временно. И вновь, уже в феврале 1988 г., когда меня «убирали» с должности директора Института философии и предлагали стать директором Института социологии, я предпочел позицию главного научного сотрудника Института философии.

Надеюсь, я сумел помочь институционализации социологии как научной и учебной дисциплины. Еще в 1987 г., в связи с созданием комиссии по уточнению перечня специальностей ВАК, я был назначен руководителем подкомиссии по философским наукам. В этом качестве я предложил ввести в перечень две новые области знания: социологические науки и политические науки, с дифференциацией каждой области на несколько специальностей. Предложение было активно поддержано Советской социологической ассоциацией (в письме за подписью ее Президента академика АН СССР Т.И. Заславской) и Советской ассоциацией политических наук (в письмах за подписью ее Президента, помощника Генсека ЦК КПСС, члена-корреспондента АН СССР Г.Х. Шахназарова). В контексте идеологической плюрализации комиссия ВАК, по согласованию с Отделом науки ЦК КПСС, в конце 1988 г. приняла позитивное решение. С 1989 г. в СССР наконец-то стали присуждать ученые степени по социологическим и политическим наукам. Это помогло открытию в том же году социологических (затем и политологических) факультетов в Московском, Ленинградском и других университетах, общему повышению статуса социологии и политологии в стране.

В то время я сосредоточил свой исследовательский интерес на стремительно обострявшемся кризисе советского общества. Став членом-корреспондентом АН СССР (1987), я создал при Отделении философии и права Научный совет АН СССР «Диалектика развития социализма на современном этапе» и

приступил к подготовке программы исследований (1988). При этом я, с одной стороны, опирался на интереснейшие дискуссии в Институте философии, которые я провел в 1987 г., будучи его директором, и которые затем опубликовал в виде сборника «Философское сознание: драматизм обновления» (1991). С другой стороны, я заново изучил конкретные факты истории советского общества. В итоге пришел к следующим выводам: 1) социализм в СССР находится на ранней стадии, неадекватен сущности его зрелого состояния; 2) фундаментальное противоречие раннего социализма составляет тотальное отчуждение человека, предвиденное Марксом в «Экономическо-философских рукописях», — это отчуждение структурировано на семь взаимосвязанных слоев, из них перестройка затронула лишь первые два и забуксовала перед третьим; 3) под действием тотального отчуждения ранний социализм оказался в состоянии общего кризиса, чреватого катастрофой советского общества. Эти выводы я сообщил в докладе на заседании Отделения (доклад был встречен настороженно-критически) и опубликовал в статье «Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма» («Вестник АН СССР». 1990. № 5).

Размышляя над способами эмпирического анализа общего кризиса, я решил сосредоточиться на изучении *динамики ценностей населения* как побудителей выбора того или иного направления на перекрестье кризисных дорог. Возник замысел проекта «Наши ценности сегодня», в контексте социальных интересов населения. Как реализовать этот замысел? Масштаб СССР был для меня непосилен, а регионально-областной масштаб — непредставителен. Требовалось взять в качестве объекта население РСФСР. Но ССА не имела общероссийской структуры. В начале 1989 г. я предложил Президиуму ССА создать Российское общество социологов, которое и было учреждено в сентябре того же года как республиканское (в масштабе РСФСР) подразделение ССА. Подготовленный мною замысел проекта «Наши ценности сегодня» был принят на учредительном собрании как приоритетный для отделений РОС на ближайший год. И действительно, многие отделения РОС, в том числе Северо-Западное, существенно помогли в проведении первой волны исследования (лето 1990 г.), которое впоследствии стало мониторингом «Наши ценности и интересы сегодня». Вспомним, что никаких грантов тогда не было, работа выполнялась на общественных началах.

Основной методический документ проекта — бланк интервью, включавший более 150 вопросов, — готовился такими специалистами как А.Г. Здравомыслов, В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, В.А. Ядов, при участии нескольких аспирантов и молодых научных сотрудников, пилотировавших группы вопросов. Методическую чистоту инструмента контролировали Г.М. Денисовский и П.М. Козырева. Контроль выборки, факторный и иной статистический анализ данных (на ЭВМ) осуществлял А.О. Крыштановский. Я отслеживал реализацию в документе общего замысла, координировал все обсуждения, продолжавшиеся с осени 1989 г. до мая 1990 г., принимал окончательные решения по группам вопросов и по документу в целом. В начале мая 1990 г. документ был утвержден. В июне-начале июля был проведен репрезентативный опрос. Анализ результатов опроса подтвердил многие гипотезы, в том числе пессимистичные, допускавшие возможность катастрофы СССР (такой вариант кризисных

дорог тоже был предусмотрен). Здесь сложно хотя бы кратко характеризовать эти результаты, поэтому приведу лишь названия некоторых публикаций по материалу первой волны исследования: «Ценности социальных групп и кризис общества» (1991), «Тяжкие години России: перелом истории, кризис, ценности, перспективы» (1992), «Кризисный социум: наше общество в трех измерениях» (1994).

С тех пор проведены еще четыре волны мониторинга, с интервалом через четыре года каждая. В целом мониторинг продолжается уже 17 лет.

Добавлю, что я никогда не утрачивал интереса к трудам Маркса — молодого, зрелого и позднего. В апреле 1998 г., в связи с 180-летием со дня рождения Карла Маркса, в Институте философии состоялась конференция под девизом «Карл Маркс и современная философия». Мне было поручено руководить оргкомитетом по ее подготовке и проведению. В конференции приняли участие известные специалисты Института философии, философского факультета МГУ и ряда других научных центров. Состоялась интересная, подчас острая дискуссия по широкому кругу проблем. В своих выступлениях я подчеркивал актуальность многих философских проблем, связанных с именем Маркса, необходимость непредвзятого, научного их обсуждения, без популистской митинговщины. Материалы конференции опубликованы в виде сборника под тем же названием (1999).

Вместе с тем, с середины 70-х годов меня все больше стало увлекать преподавание социологии. Я подготовил и прочитал около десятка авторских курсов для будущих социологов — студентов и аспирантов, бакалавров и магистров МГУ, МГСУ, ГУ-ВШЭ, ГУУ. Среди них: «Теории социальных групп», «Социология труда, организаций и управления», «Социокультурные системы и процессы», «Динамика ценностей населения современной России (методология исследований, векторы изменений)», «Эмпирическая социология в Западной Европе», «Социология деловых организаций», «Социология инноваций», «Общая социология (антропосоциетальный подход)». Три последних курса я продолжаю читать в настоящее время. Опубликовал учебные пособия и хрестоматии по эмпирической социологии в Западной Европе и по общей социологии.

Сочетая научную и преподавательскую работу, я немедленно откликнулся на создание новой федеральной целевой программы «Интеграция» (1996 г.), предложив директору Института социологии В.А. Ядову и директору Института социологии и управления МГСУ Г.И. Осадчей подать совместную заявку на конкурс по этой Программе. Они с энтузиазмом поддержали меня, и мы тут же определили объединяющую нас комплексную тему: «Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление». Вопреки нашим скептическим оценкам (в ФЦП доминировали «технари»), заявка была одобрена. Сформировалась совместная команда ученых и преподавателей, замыслы которой пришлись по душе студентам и многим аспирантам МГСУ. На базе ЦИСИ ИФРАН был создан Учебно-научный центр под моим руководством; в Центре исследований социальных трансформаций ИС РАН под руководством В.А. Ядова стала действовать система методологических практикумов для студентов МГСУ; в Институте социологии и управления МГСУ во главе с проф. Г.И. Осадчей организована школа молодых социологов. Проводились ежегодные конкурсы студенческих работ, конференции, публикации лучших студенческих научных работ и многое другое. В итоге отчет по проекту за первые

два года получил высокую оценку комиссии ФЦП «Интеграция» и был продлен. Результаты четырехлетней работы (1997–2000) отражены в статье трех авторов в «Социсе». К сожалению, затем ФЦП «Интеграция» утратила поддержку Правительства РФ.

Я вел также активную комсомольскую и партийную работу по месту учебы и профессиональных занятий, периодически читал лекции по социально-политической тематике в сети партийного просвещения; памятны поездки в составе лекторской группы Отдела пропаганды ЦК КПСС в Туркмению и в составе большой советской делегации в Италию. Вместе с тем, уже с конца 1960-х годов центром моей общественной активности стала работа в Советской социологической ассоциации (несколько сроков я был вице-президентом ССА по координации деятельности научно-исследовательских секций, создал и был председателем НИС «Социология организаций»). Как уже отмечено, по моей инициативе осенью 1989 г. было образовано Российское общество социологов; в 1992 г., в связи с самоликвидацией ССА, РОС стал ее правопреемником в России и в Международной социологической ассоциации. За истекшее время РОС вырос в наиболее влиятельное в России профессиональное сообщество. Большой вклад в его развитие в качестве его президентов внесли В.А. Ядов и В.А. Мансуров.

— Кто был Вашими учителями?

Непосредственно своими учителями я считаю академиков Теодора Ильича Ойзермана (история философии марксизма) и Джермена Михайловича Гвишиани (социология организаций, системный подход). Из базовой классики я бесконечно обязан Карлу Марксу, исследованию десяти лет жизни и творчества которого я с упоением посвятил 15 лет своей жизни. Значительный след в моей душе оставили работы Петра Лаврова, который, с моей точки зрения, создал на российской почве основы активистской концепции личности (двухтомник его произведений я издал, работая в «Мысли»).

Собственно социологии, ее теоретическому и методическому содержанию я во многом научился у своих друзей и коллег. Это А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов: в 1965 г., как сотрудник издательства «Мысль», в котором готовилась к выпуску их рукопись «Человек и его работа», я был ее внутренним рецензентом и активно поддержал ее публикацию, поскольку были и сомневающиеся. В 1968–1970 гг. в ИКСИ я слушал лекции Б.А. Грушина, И.С. Кона и Ю.А. Левады, постоянно общался с ними. Вспоминаю наши продуктивные дебаты по проекту «Социальная организация» (1970–1972) с участием Н.Ф. Наумовой, А.И. Пригожина, В.Б. Ольшанского, Г.В. Осипова, О.И. Шкаратана и других сотрудников. В.Н. Шубкину я благодарен за его методологию изучения профессиональных ориентаций школьников, за писательский талант и за личное общение. Мне глубоко импонировали и импонируют системно-деятельностные идеи, разработанные И.В. Блаубергом, В.Н. Садовским и Э.Г. Юдиным, в том числе в применении к социологии. Можно назвать еще немало друзей-коллег, диалог с которыми оставил значительный след в моих исследованиях.

Из социологической классики 1930–70-х годов глубокое впечатление произвели на меня работы Талкота Парсонса (со времени работы над проектом «Социальная организация») и Питирима Сорокина (я достаточно освоил его труды

лишь в 1990-е годы, при разработке социокультурного подхода). Назову также Мишеля Крозье, с которым я познакомился на VI социологическом конгрессе в Варне (1970 г.), при создании и дальнейшем функционировании исследовательского комитета по социологии организаций (Крозье два срока был президентом этого комитета, а я — одним из вице-президентов); российская общественность недостаточно знакома с его трудами, до сих пор не переведенными на русский язык — такими как «Бюрократический феномен», «Организации: системы и люди» и др.

— *В современной социологии наблюдается кризис. Согласны ли Вы с подобной оценкой? Каков, с Вашей точки зрения, тренд современной российской социологии?*

Требуется критически осмыслить содержание понятия «кризис» в науках о человеке и обществе, в том числе в социологии. Необходимо принять во внимание ситуацию в смежных областях знания, прежде всего, в психологии и экономике (следует также учитывать ситуацию в истории и некоторых других областях, но это сложно изложить в рамках интервью).

Многие психологи испытывают перманентное ощущение кризиса своей науки, с момента ее рождения. В последние десятилетия ситуация усугубилась, приняв форму кризиса рационалистической психологии. Основу такого самосознания специалистов составляет целая совокупность методологических «комплексов» психологии: ее непохожесть на естественные науки, ее практическая неполноценность и другие. Адекватно ли такое самовосприятие?

Нет, не адекватно, считает А.В. Юревич, автор монографии «Психология и методология» (2005, глава 3), избранный в мае 2006 г. членом-корреспондентом РАН по специальности «психология». Опираясь на «Эволюционную эпистемологию» К. Поппера, он полагает, что обилие соперничающих теорий, которое считается одним из главных симптомов кризиса психологической науки, — не ее недостаток, а преимущество. Наука развивается путем построения и проверки догадок (я бы предпочел сказать — гипотез), и чем больше версий, тем больше шансов угадать. Поэтому все основные направления психологической мысли — бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности и т.д. — являются важными вехами развития психологии, а не артефактами. Эту позицию он называет *методологическим либерализмом*.

В рамках этой позиции, психологическое объяснение всегда будет разнородным, многослойным; при этом каждый слой обладает самостоятельной значимостью и принципиально не заменим ни одним другим. Вывод состоит в том, что необходимо научиться не только добывать, но и правильно вычленять и оформлять получаемое знание «именно как научное: в виде законов, закономерностей и законоподобных утверждений». Вместе с тем, сама позиция методологического либерализма — лишь одна из методологических перспектив наряду с другими.

Экономисты также мучаются над сакраментальным вопросом: есть ли кризис в современной экономической теории? Академик РАН В.М. Полтерович понимает под кризисом такое состояние теории, в котором она не может решить поставленные ею основные задачи принятыми методами. Симптомами такого состояния в экономической теории служат: слишком большое число

отрицательных теоретических результатов; неустойчивость эмпирических результатов относительно правдоподобных модификаций исходных гипотез; формализм теории, дедуктивное выведение основных ее предположений из ограниченного числа принципов или основных предпосылок без оглядки на проблемы реального мира; и др. (см. В.М. Полтерович. Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. 1998, № 1).

Что же происходит с современной экономической теорией? Интересную попытку ответа на этот вопрос предпринял член-корреспондент РАН В.С. Автономов. Как известно, в экономической науке, в отличие от других общественных наук, выделяется так называемый мейнстрим (основное течение): те направления, представители которых широко публикуют свои труды в ведущих журналах, награждаются премиями (особенно Нобелевскими) и которые приоритетно преподаются в ведущих университетах. Его состав непостоянен, меняется со временем. В последние десятилетия ядро мейнстрима образует неоклассическая теория, основанная на предположении о рациональном (максимизирующем целевую функцию) поведении человека и равновесном состоянии мира. Помимо ядра, в 1980-е годы мейнстрим включил в себя новый институционализм и консолидировался на неоклассической основе. Кроме мейнстрима, экономическая наука включает общую теорию и множество частных подходов, а также методов, совокупностей данных и т.п.

По оценке Н.С. Автономова, экономическая наука в целом находится в постоянном латентном кризисе, поскольку сохраняет завышенные амбиции, претендуя на уяснение общих законов экономики и, соответственно, получает завышенные требования к себе от общества. С 1990-х годов мейнстрим становится более разнородным, гетерогенным: он начал вбирать в себя экспериментальную экономику, теорию ограниченной рациональности, теорию сложности, эволюционную экономику. Слабым местом в экономической методологии является отсутствие правил применения отдельных инструментов к конкретным ситуациям, неразвитость искусства выбирать модели, подходящие к современному миру. В настоящее время собственно кризис переживает неоклассика; вернее, она преобразуется на новой технической базе.

Вывод: «экономистам следует проявить методологическую скромность и отказаться от притязаний на открытие универсальных или устойчивых законов экономической жизни общества» (В.С. Автономов. *Методологические проблемы современной экономической науки // Вестник Российской академии наук*. М., 2006, т. 76, № 3. С. 208).

Социологи тоже не первое десятилетие задаются вопросом о кризисе своей области знания. Особенность постановки этого вопроса в социологии состоит, на мой взгляд, в том, что он в явном виде соотносится с вопросом о кризисе самого общества как предмета исследований. Общество меняется, обретает новые характеристики, переходит в качественно новое состояние, — соответственно, прежние социологические концепции, подходы оказываются в кризисе: они утрачивают способность его объяснять и сменяются новыми. Это произошло, например, со структурным функционализмом в 70-е годы XX столетия. В середине 1980-х годов практически одновременно (в «год Оруэлла», 1984) появились работы Э. Гидденса, Н. Лумана, А. Турена, в которых предложены

новые подходы. Из них наиболее перспективным стал активистский, деятельностный подход, который выражал новую роль человека, социальных акторов в меняющемся современном обществе. Это можно продемонстрировать на примере Европейского Союза, в тенденции — Сообщества европейских народов.

Сказанное в полной мере относится к современной российской социологии. Приводится немало аргументов в пользу ее кризиса, особенно в области ее общей теории, образования и в целом социологии как самостоятельной науки. Но имеются и противоположные аргументы, свидетельствующие о ее успехах, подъеме. По-видимому, российская социология пережила *трансформационный кризис*: он означал радикальную ее трансформацию, соответствующую социетальной трансформации самого общества, и заключал в себе как деструктивные, так и конструктивные тенденции.

После бурного подъема российской (советской) социологии в 60-х — начале 70-х годов XX в. наступило десятилетие латентной ее стагнации (середина 70-х — середина 80-х годов). С началом перестройки, гласности, плюрализации идеологической жизни советского общества кризис российской социологии стал явным. Начался переход советских (российских) социологов от восприятия марксистской парадигмы как «единственно верной» к позитивному освоению и использованию различных социологических теорий и подходов, циркулирующих в современной мировой социологии, и к поиску собственных подходов — словом, переход к легитимации полипарадигмальности своей профессии. Ключевую роль в этом переходе сыграл Институт социологии АН СССР (РАН), прежде всего его директор В.А. Ядов, который предложил и обосновал полипарадигмальность как главный вектор эволюции Института и всей российской социологии. Развернутую аргументацию своей позиции он изложил в новой книге «Современная теоретическая социология как концептуальная база российских трансформаций» (СПб., 2006). Выше мы видели, что по тому же пути идут психологи («методологический либерализм») и экономисты («плюрализм в экономической теории»). Надо полагать, этот вектор стал ядром «мэйнстрима» всех российских социогуманитарных наук.

В рамках жанра интервью я не стану перечислять множество проявлений трансформационного кризиса российской социологии. Несомненно, было немало потерь: обнищание финансовой базы исследований в первой половине 1990-х годов; закрытость многих деловых и других организаций для исследований и публикации их результатов; разрозненность эмпирических исследований, их низкая сопоставимость; экстенсивный рост преподавания при подчас существенном снижении его качества и т.п. С другой стороны, в целом наша социология вышла или выходит из кризиса компьютеризованной и с приращением своего научного багажа: разработаны несколько концепций кризиса российского общества, дано развернутое представление теории и методологии анализа социального механизма его трансформации, происходит переосмысление собственного прошлого. Дифференцированный анализ различных слоев социологического знания — тех, которые все еще остаются в состоянии кризиса, и тех, которые уже вышли из него, — представляет интересную исследовательскую задачу.

Возможно, это покажется излишне оптимистичным, но я рискнул бы предположить, что по мере выхода российской социологии из трансформационного кри-

зиса она вносит свой вклад в *мейнстрим мировой социологии* (если можно говорить о таковом). По аналогии с экономической наукой, социологический мейнстрим — это не только доминирующая парадигма или даже метапарадигма, а своеобразный комплекс концепций, подходов и методов, которые наиболее влиятельны на данном этапе развития социологической науки, ее практические приложения и профессионального образования. Он структурирован: имеет относительно устойчивое ядро и более изменчивые сопутствующие компоненты. Одной из наиболее вероятных кандидатур на номинирование в качестве ядра социологического мейнстрима служит деятельностный, активистский подход, или метапарадигма. К ней тяготеют социетально-трансформационный анализ, антропосоциетальный подход и ряд других компонентов, многие из которых рассмотрены в названной выше книге В.А. Ядова о современной теоретической социологии. Так вырисовывается новый вектор методологических исследований в области социологии: от изучения кризиса тех или иных парадигм к выявлению процессов формирования мейнстрима современной социологии, в том числе российской.

— *Как Вы объясняете процесс активного междисциплинарного развития в общественных науках? Означает ли это, что социология, по-видимому, уступает место другим социальным и гуманитарным наукам, например, социальной антропологии, психологии, культурологии?*

Этот вопрос служит продолжением предыдущего и не менее обширный. Я постараюсь ответить на него по возможности кратко.

Прежде всего, следует учитывать, что междисциплинарные взаимодействия в общественных науках и вообще в науке имеют давнюю историю. Фундаментальным их основанием служит существование «ничейных полей» на границах между предметами различных наук. На стыковых полях выросли новые дисциплины: физическая химия, химическая физика, химическая биология и др. То же можно сказать о социальной психологии, экономической социологии, социальной антропологии и др. При этом ни одна из базовых дисциплин не перестала существовать.

Другим основанием междисциплинарности служат комплексные проблемы, различные грани которых относятся к предметам разных наук. Классическим примером служат глобальные проблемы, совокупность которых ныне образует сверхкомплексный процесс глобализации. Для интенсивных исследований такого рода проблем в начале 70-х годов XX в. были созданы международные научные организации нового, междисциплинарного типа: Римский клуб, Венский совет, Международный институт прикладного системного анализа (ИИАСА), Международная федерация исследований автоматизированных систем. Они не без оснований позиционировали себя как «мосты в будущее» междисциплинарных, а в контексте холодной войны даже межправительственных, межстрановых взаимодействий. Активную роль в их подготовке, создании и функционировании сыграли выдающиеся советские ученые, прежде всего академик Д.М. Гвишиани, являвшийся заместителем председателя ГКНТ СССР по международным научно-техническим связям (подробнее см.: Д.М. Гвишиани. Мосты в будущее. М., 2004). Национальным аналогом таких организаций стал со-

зданный Д.М. Гвишиани в 1976 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ) ГКНТ и АН СССР. Недавно этот институт, ныне Институт системного анализа, отметил свое 30-летие. Мой опыт работы во ВНИИСИ и участия в глобальном и инновационном проектах ИИАСА убедил в высокой эффективности такого рода междисциплинарных организаций. Представляя различные дисциплины, сотрудники этих организаций при изучении комплексных проблем нередко выдвигали новые, междисциплинарные научные направления, но никогда не ставили вопрос о «закрытии» каких-либо существующих дисциплин.

Нынешний этап междисциплинарного развития в общественных науках характеризуется еще более глубоким взаимопроникновением подходов и методов различных дисциплин. Наблюдается рост влияния социологии культуры, происходит антропологизация социологии и т.п. Постмодернистски ориентированные методологи социальных наук линейно экстраполируют в будущее нынешний рост этого влияния, без учета потенциального влияния иных процессов, подчас поддаются соблазну декларировать в обозримом будущем поглощение социологии смежными областями знания.

С моей точки зрения, которая отчасти изложена в ответе на предшествовавший вопрос, более адекватной будет интерпретация наблюдаемых процессов как изменений в структуре формирующегося мейнстрима социологии на современном этапе ее развития. Они служат симптомами потребности социологии в новых подходах, которые бы поднимали культуру вровень с социальной структурой — как две паритетные и взаимопроникающие компоненты общества как социетальной системы, а деятельность человека — вровень с самой социетальной системой, как ее внутренний движитель. Я откликнулся на эту потребность разработкой социокультурного подхода, который затем трансформировал в антропосоциетальный подход. О нем я скажу ниже.

Убежден, что следует не пасовать перед конкурентным давлением иных дисциплин, не завораживать себя идеей «конца социологии», как и «конца истории», а активно разрабатывать актуальные социологические проблемы, коим нет конца, как нет конца человеку и обществу, их истории (разумеется, с учетом ограничений, налагаемых биофизическими параметрами планеты Земля).

— Ваши нынешние теоретические пристрастия и принципы?

Из нынешних «пристрастий» отмечу следующие. Во-первых, мониторинг динамики ценностей населения в контексте социальных изменений, которые происходят в трансформирующейся России («Наши ценности и интересы сегодня»). Я уже рассказал о том, как он начинался. Добавлю, что его продолжение стало возможным лишь при постоянной поддержке РГНФ. Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН провел пять волн опросов, через 4 года каждый: первая волна — в 1990 г., пятая — в 2006 г. Сейчас я, Л.А. Беляева, которой я благодарен за многолетнее конструктивное сотрудничество, другие коллеги приступили к анализу результатов последнего опроса. Как всегда, переживаем: какие результаты мы получим на этот раз?

Во-вторых, программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». ЦИСИ реализует ее с 2005 г. при поддержке РГНФ и активном уча-

стии социологов и других специалистов, работающих в регионах, в данном случае — субъектах РФ. Мы разработали типовую программу и методику подготовки социокультурного портрета региона, который будет опираться как на комплекс статистических данных, так и на информацию, получаемую с помощью социологических методов (интервью и др.), и позволяет получать сопоставимые портреты. При этом значительная часть вопросов интервью пересекается с вопросами мониторинга «Наши ценности и интересы». Это позволяет сопоставлять портреты регионов не только друг с другом, но и с общероссийскими процессами и тенденциями. Программа и методика «Портрета» обсуждены и поддержаны на конференции, в которой участвовали специалисты из 19 субъектов РФ (ЦИСИ, июнь 2005 г.); она опубликована в сборнике материалов конференции («Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика...»). На их основе в 2006 г. готовятся сопоставимые портреты 12 регионов, первые результаты также обсуждены на конференции (Тюменский университет, сентябрь 2006 г.). Надеюсь, что будет расти число регионов, в том числе в Северо-Западном Федеральном округе, которые подарят себе и миру свой социокультурный портрет. Наша общая сверхзадача — подготовить Социокультурный атлас России.

В-третьих, антропосоциетальный подход в социологии. Я поэтапно двигался в этом направлении (имея в виду вектор, но не результат) с середины 1980-х гг. двумя способами: с одной стороны, через социально-философский и общесоциологический анализ кризиса советского общества и социокультурной трансформации России (см. мою книгу «Пути России: социокультурные трансформации». М., ИФРАН, 2000 г.); с другой стороны, я стремился операционализировать ключевые понятия разрабатываемого подхода в концепции и методике мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», в методологии анализа его результатов, а также в программе и методике «Социокультурного портрета региона». Развернутое понимание антропосоциетального подхода я изложил в учебном пособии «Общая социология», которое опирается на авторский курс лекций и семинаров по этой дисциплине: первоначально я читал его студентам социологического факультета МГУ, затем — магистрам ГУ-ВШЭ, специализирующимся по экономической социологии. В соответствии со структурой и проблематикой этого пособия подготовлена «Хрестоматия по общей социологии»; кроме меня, ее составителем является А.Г. Здравомыслов, который обеспечил включение и редактирование переводов большого числа текстов, ранее не переводившихся на русский язык, — я глубоко благодарен Андрею Григорьевичу за сотрудничество в подготовке Хрестоматии и вводных статей к ее текстам. Помимо того, А.М. Долгоруков подготовил «Практикум по общей социологии», использующий опыт семинаров в МГУ, которые он вел по моему курсу. В итоге впервые в России создан учебный комплекс по общей социологии, включающий базовое пособие, хрестоматию и практикум. Подготовка этого комплекса стала возможна благодаря гранту, полученному по единственному конкурсу на учебные пособия, который несколько лет назад провел РГНФ совместно с Министерством высшего и среднего образования РФ. Все три части комплекса выпустило в 2006 г. издательство «Высшая школа».

Теоретико-методологическое содержание антропосоциетального подхода я изложил в статье, которая публикуется вслед за данным интервью. В ней чита-

тель найдет ответ и на вопрос о *принципах*, на которых базируется данный подход и которые, с моей точки зрения, необходимы и достаточны для научного изучения современного общества как социетального целого.

Антропосоциетальный подход только появился на социологическом ристалище и нуждается в многосторонней разработке, апробации и коррекциях. Я буду весьма признателен за критические замечания и предложения.

— *Ваши научные планы и намерения?*

Главный план, или личный мейнстрим: продолжить работу по всем трем направлениям, о которых шла речь в ответе на предыдущий вопрос. Поскольку эти направления выражают различные измерения российского социокультурного пространства, роли человека в его изменении и взаимосвязаны между собой, есть шанс получить новые, трехмерные результаты. Хотелось бы также опубликовать два задела: учебные пособия по социологии инноваций и по социологии деловых организаций. Есть и другие замыслы, но говорить о них было бы преждевременно.

В заключение хочу поблагодарить редакцию «Журнала социологии и социальной антропологии» за поздравления и возможность высказаться на страницах журнала по случаю моей круглой даты. Помнится, отмечая 30-летие Института социологии РАН, я предложил создать новое научное направление — «социологию юбилеев». И вот, сам достиг серьезного рубежа. Как говорят коллеги, стал «взрослым».

Краткая библиография профессора Николая Ивановича Лапина

Образование: философский факультет МГУ (1954), аспирантура того же факультета (1957).

Ученые степени, звания: кандидат философских наук (1961), доктор философских наук (1969), профессор социологии (1979), член-корреспондент РАН (1987), лауреат Государственной премии СССР (1983).

Преподавание: разработал около 10 авторских курсов; в настоящее время читает курсы «Социология деловых организаций», «Социология инноваций», «Социетальная социология» на социологическом факультете МГУ и экономическом факультете ГУ-ВШЭ. Подготовил около 30 докторов и кандидатов наук.

Участие в конгрессах: многие социологические конгрессы МСА (с 1966 по 2004 гг.), конференции Американского общества системных исследований (1986) и Европейского общества кибернетики и системных исследований (1988 г.), 1-й и 2-й конгрессы российских социологов (2000, 2003) и др.

Членство в профессиональных сообществах: вице-президент ССА (1976–1989 гг.), президент-организатор (1989–1991), почетный член Российского общества социологов; член Общества профессиональных социологов России (с 1994 г.); координатор секции социологии РГНФ (1997–2005); член редколлегии ряда социологических и философских журналов.

Трудовая деятельность: редакция журнала «Вопросы философии» (1958–1962), консультант; издательство «Мысль» (1962–1966), зав. Редакцией; Институт философии АН СССР, ст.н.с. (1966–1968); Институт конкретных социальных исследований АН СССР (1966–1973), зав. сектором, отделом, вр. ио директора; Институт проблем управления АН СССР (1973–1976), зав. лаб.; Институт системных исследований АН СССР (1976–1984), зав. лаб., зав. отделом; Институт философии РАН (с 1984 г. по н/вр.), зам. дир., директор (1984–1988), руководитель Центра изучения социокультурных изменений (с 1988 г.), заведующий отделом аксиологии и философской антропологии (с 2005 г.).

Основные исследовательские проекты:

«Роль поощрений и наказаний в первичном производственном коллективе (участок мастера)» (Институт философии — ИКСИ АН СССР, 1966–1968);

«Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (ИКСИ АН СССР, 1968–1973);

«Философские и социологические проблемы моделирования глобального развития» (ВНИИСИГКНТ и АН СССР, 1977–1984);

«Нововведения в организациях: социологические проблемы» (ВНИИСИГКНТ и АН СССР, 1978–1984);

«Социальные аспекты развития микропроцессорной техники в странах-членах СЭВ» (ВНИИСИГКНТ и АН СССР, 1982–1985);

Всероссийский мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня» (ИФ АН СССР/РАН, гранты РГНФ, с 1990 г. по н. вр.);

«Социальная информатика: основания, методы, перспективы» (ИФ РАН, ИСА РАН, грант РФФИ, 1996–1998);

«Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление» (ИФ РАН, ИС РАН, Институт социологии и управления МГСУ — грант по конкурсу ФЦП «Интеграция», 1997–2000);

«Разработка и апробация типовой программы и методики подготовки социокультурного портрета регионов России» (первый этап программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», ИФ РАН, грант РГНФ, с 2005 г. по н.вр.).

Основные публикации

Монографии, учебные пособия

Борьба вокруг идейного наследия Молодого Маркса. М.: Высшая школа, 1962.

Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968, 1976, 1984; 8 переводов на другие языки.

Руководитель коллектива. М.: Политиздат, 1974. Соавторы: Ю.Л. Неймер, В.Н. Шаленко и др.

Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. Соавторы: Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова.

Социальное проектирование. М.: Мысль, 1982. Соавторы: Н.А. Аитов, Ж.Т. Тощенко.

Кризисный социум: наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994. Соавторы: Л.А. Беляева, В.В. Колбановский, А.И. Пригожин и др.

Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: УРСС, 1996. Соавторы: Л.А. Беляева, А.Г. Здравомыслов, Н.Ф. Наумова.

Пути России: социокультурные трансформации. М.: Институт философии РАН, 2000.

Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004.

Общая социология. М.: Изд-во Высшая школа, 2006.

Руководство коллективными трудами, при авторском участии

Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публикация. М.: Acadmia, 2005.

Серия ежегодных сборников материалов семинаров по теме «Философские и социологические проблемы глобального моделирования». М.: ВНИИСИ, 1979–1984.

Серия ежегодных сборников материалов семинаров по теме «Нововведения в организациях: социологические аспекты». М.: ВНИИСИ, 1980–1984.

Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. Соредатор Д.М. Гвишиани.

Философское сознание: драматизм обновления. М.: Политиздат, 1991.

Ценности социальных групп и кризис общества. М.: ИФ РАН, 1991.

Карл Маркс и современная философия. М.: ИФРАН, 1999.

Социальная информатика: основания, методы, перспективы. М.: УРСС, 2003, 2-е изд. 2006.

Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции. М.: ИФРАН, 2006. Соредактор.

Статьи в журналах, сборниках

Начало перехода К. Маркса к материализму и коммунизму // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1958. № 1.

Проблема неформальной группы в индустриальной социологии // Социальные исследования. 1968. Вып. 2.

Проблемы социологического анализа организационных систем // Вопросы философии. 1974. № 7.

Социальные проблемы — ядро специализированной концепции глобального моделирования // Социальные аспекты глобального моделирования. Труды семинара ВНИИСИ. Вып. 6. Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ВНИИСИ, 1979.

Актуальные проблемы исследования нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. Труды ВНИИСИ. М.: ВНИИСИ, 1980.

Функции неформализованных элементов системы моделирования // Неформализованные элементы системы моделирования. Труды ВНИИСИ. М.: ВНИИСИ, 1980.

Интенсификация инновационных процессов — стратегическая задача теории и практики нововведений // Инновационные процессы. Труды ВНИИСИ, Отв. ред. Н.И.Лапин. М.: ВНИИСИ, 1982.

Концепция комплексного анализа крупномасштабного инновационного потока (на примере микропроцессорной техники) // Проблемы интенсификации и диагностики нововведений. Труды семинара ВНИИСИ. М.: ВНИИСИ, 1984.

Системно-деятельностная концепция исследования нововведений // Диалектика и системный анализ. М.: Наука, 1986.

Нововведения в инновационном потоке // Нововведения как фактор развития. М.: ВНИИСИ, 1987.

Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. 1990. № 5.

О многомерности истории // Социальная философия в конце XX в. / Под ред. К.Х. Момджяна. М.: МГУ, 1992.

Тяжкие годы России: перелом истории, кризис, ценности, перспективы // Мир России. 1992. № 1.

Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12.

Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9.

Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.

О предмете социальной информатики // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1997.

Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Куда идет Россия?... Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Дело, 1998.

Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия?... Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и эк. наук, 2000.

Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.

Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.

Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию?... Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: ВШСиЭН. Интер-центр, 2001.

Формирование и реализация современной инновационной стратегии организаций // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 2002. Гл. 8.1. С. 601–615. Рук. авт. колл.: Д.С. Львов, А.Г. Поршнев.

Гуманизация экономики в контексте социокультурной трансформации России // Гуманистические ориентиры России. Редк.: А.И. Абалкин и др. М.: ИЭРАН, 2002.

Опыт интеграции социологического образования в вузе и научных исследований // СОЦИС. 2002. № 2 (Соавторы: Г.И. Осадчая, В.А. Ядов).

Предмет и методология социологии // СОЦИС. 2002. № 8.

О многом и едином в российской трансформации // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

Базовые ценности населения и российская трансформация // Общество и экономика. 2002. № 12.

Программа курса «Социология деловых организаций» // Мир России. 2002. № 6.

Когда и как Огюст Конт ввел термин *sociologie* // СОЦИС. 2003. № 4.

Закрепление нового социального порядка и проблема свободы граждан // Социологический калейдоскоп. Сб. памяти Л.А. Гордона. Редк.: Г.Г. Дилигенский, Э.В. Клопов, А.К. Назимова. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4.

Права и свободы граждан России: их важность и нарушаемость // Куда пришла Россия?.. Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и эк. наук, 2003.

Трансформирующаяся Россия в социологических проектах РГНФ // Вестник РГНФ. 2004. № 3; то же: соис. 2004. № 11.

Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2006. № 2.

Всего Н.И. Лапин опубликовал с 1958 г. свыше 300 научных работ общим объемом более 350 п.л.